

UDC 94 (477.6) «1941-1943»

Holidays, Celebrations and Memorable Dates in the Life of Ukraine Population during Nazi Occupation (Military Administration Zone)

Dmitrii N. Titarenko

Donetsk institute of Law, Ukraine
83054, Donetsk, st. Zasyad'ko, 13
PhD (History), Associate Professor
E-mail: titarenko_tit@ukr.net

Abstract. The article is focused on the role of holidays and memorable dates in the life of population of Ukraine (military administration zone) during the Nazi occupation. The research is based on the sources from the German and Ukrainian archives, oral history data. The paper considers the role of holidays and memorable dates in the official discourse of authorities, as well as the willingness of the population to perceive them. The possibilities of realization of alternative models of holidays, rituals and commemorative practices, initiated by the public are analyzed. The article is focused on celebrations and memorable dates as a means of propaganda and ideological influence on the population. Special attention is attached to the role of religious holidays, particularly, Easter. The author arrived to the conclusion that holidays and celebrations, accompanied by additional day off, changes in food ration, entertainments, enabled the population to escape from reality of living under occupation and fulfilled the vital function of relaxation.

Keywords: Nazi occupation; military administration; East Ukraine; civil population; official holidays; church; propaganda; loyalty; ideological influence; legitimization.

Введение. Война и немецкая оккупация стали временем, которое отразилось не только на судьбе государства и его институтов, но и на обычном образе жизни населения. Вместе с тем изучение истории повседневной жизни как своего рода рутинного процесса жизнедеятельности предусматривает постановку вопроса и о возможностях отхода от привычных условий существования, которые наиболее четко проявляются в праздниках и реализации досуговых практик. При их характеристике, очевидно, должны учитываться как этно-, так и социокультурные особенности населения, мировоззренческо-ценностные ориентиры, специфика политического режима на определенной территории, временные параметры и т.д. С учетом всего этого определенный интерес вызывает роль праздников и памятных дат в жизни населения тех областей Украины, которые в период оккупации вошли в состав зоны военной администрации. Несмотря на наличие определенных наработок по этому вопросу [1], все же более детального анализа требует роль праздников и памятных дат в официальном дискурсе, степень готовности населения к их восприятию, наличие возможностей для реализации альтернативных, инициированных общественностью, моделей праздников и коммеморационных практик.

Материалы и методы. С целью реализации поставленных задач в статье были использованы отчеты органов военного управления, сохранившиеся в фондах командующих тыловыми районами групп армий и комендантов тыловых армейских районов (Федеральный военный архив, Фрайбург), делопроизводственная и актовая документация из фондов областных архивов Украины, характеризующая деятельность местных органов самоуправления. Некоторые особенности личностного восприятия событий периода оккупаций, и в частности праздников, характеризуют материалы интервью, проведенных автором в течение 2005–2011 гг. с людьми, пережившими оккупацию на территории восточных областей Украины. В работе были использованы историко-сравнительный метод и метод устной истории.

Обсуждение. Смена режима, которая произошла на территории Украины в основном осенью 1941, актуализировала вопрос сохранения символов советской власти, которые в определенной степени олицетворялись праздниками. Очевидно, что для населения, деморализованного крахом советского режима, отсутствием достоверной информации о том, что происходит на «Большой земле» и запуганного террором нацистов, следование советским праздничным стандартам было делом опасным. В то же время, учитывая роль праздника в качестве средства формирования и утверждения «общественной цельности» [2], идеологического влияния, информирование населения оккупированных территорий о праздновании 7 ноября 1941 г. в Москве, военном параде на Красной площади стало одной из важнейших задач для советской военной пропаганды, советского подполья и партизан, действовавших на оккупированной территории. В зоне деятельности партизанских отрядов в условиях отсутствия в ряде населенных пунктов не только немецких спецслужб, но и даже немецких гарнизонов это было сделать в некоторой степени проще [3]. В городской черте ситуация была сложнее, хотя, безусловно, попытки каким-либо образом отметить значимые в советском календаре даты случались. Так, в частности, 7 ноября 1941 г. в оккупированном Сталино (ныне – Донецк)

директором Кировского районного радиоузла А. Слободюком на некоторое время были включены громкоговорители с трансляцией из Москвы [4]. Имели место также случаи распространения листовок и вывешивания подпольщиками красных флагов по случаю советских праздников [5], хотя о системном характере этих акций данных нет.

Понимая необходимость создания новой системы идентификации населения, его социокультурной интеграции, формирования новой модели политической лояльности, власть сконцентрировала внимание на создании нового перечня праздников, памятных дат, ритуальных практик.

Особое пропагандистское значение на оккупированной территории придавалось 1 мая, который являлся одним из самых больших государственных праздников как в Советском Союзе, так и в нацистской Германии. Безусловно, в условиях оккупации этот праздник получил новую коннотацию, нашедшую в 1942 г. выражение в пропагандистском пароле «Освобождение труда от рабства большевистской системы» [6], сам праздник при этом отмечался как «День освобожденного от большевизма труда» [7]. Большое внимание при реализации праздничных мероприятий было уделено информированию населения не только о значении этого дня, но и об экономических и политических успехах Германии после прихода нацистов к власти. Цель осуществляемой по случаю этого праздника пропагандистской работы заключалась в том, чтобы донести до населения ключевой тезис – «...повышение производительности труда и добровольное сотрудничество с немецкими учреждениями является необходимым условием для устранения причиненного большевизмом вреда...» [8].

На функционирующих предприятиях, прежде всего в местах дислокации подразделений пропаганды или в непосредственной близости от них, по случаю праздника был проведен ряд торжественных собраний. В тех местах, где осуществление подобных мероприятий было затруднительным, о содержании и значении этого праздника, задачах, которые ставились, население информировалось путем распространения плакатов соответствующего содержания. Как отмечалось в «Отчете о настроениях» отдела пропаганды У («Украина») за май 1942 г., «... интерес населения к празднику был большим, повсеместно количество участников было высоким...» [9].

Следует отметить, что празднование 1 мая 1943 г. проходило на более высоком уровне пропагандистского обеспечения под лозунгами несколько иного содержания: «Борьба трудящихся всех народов против общего большевистского врага» и «Борьба Европы за новый социальный строй и сотрудничество против большевистско-еврейско-плутократической системы» [10]. Празднование сопровождалось выделением населению дополнительных продуктов питания, наделением в торжественной обстановке приусадебными участками земли, устройством праздничных концертов и т.п. Очевидно, что меры такого рода были попыткой реализации новой, более либеральной концепции обращения с населением оккупированных восточных территорий, основные положения которой были изложены в указе Геббельса по вопросам «обращения с европейскими народами». Интерпретацию основных норм этого указа для населения восточных областей Украины содержал приказ «Отношение к гражданскому населению в оперативном районе» за подписью командующего группы армий «Юг» Манштейна [11].

Важное место в официальном праздничном календаре для оккупированных восточных областей уделялось 22 июня – дате нападения на Советский Союз, которая интерпретировалась как «день освобождения». В то время как в 1942 г. о значении этого дня для населения напоминали в основном лишь публикации в прессе, то с 1943 г. на оккупированной территории Советского Союза он должен был получить значение, аналогичное 30 января – дню прихода нацистов к власти в Германии. Логическим следствием признания особого места 22 июня в перечне праздников стала организация торжеств на местах, посвященных, соответственно, годовщине оккупации того или иного населенного пункта. С учетом того, что эти даты вряд ли могли претендовать на статус всенародных праздников с большим количеством участников, властью принимались меры по организации митингов, праздничных собраний, выставок и т.п. При этом ответственность за присутствие на этих мероприятиях возлагалась на руководство учреждений и организаций, органов местного самоуправления. Не без основания полагая, что мероприятия такого рода могут не сопровождаться соответствующей праздничной эйфорией, оккупационная администрация прибегала к более влиятельной аргументации, как это было, в частности, в Нежине: неявка служащих учреждений и предприятий на праздничные торжества в местном театре рассматривалась как невыход на работу с последующим лишением заработной платы [12].

Определенную роль в праздновании событий официального календаря играла и церковь. В документах немецких оккупационных властей неоднократно констатировалось, что деятельность церковных структур соответствует политическим интересам Германии. Безусловно, отправление благодарственных молебнов в церквях по случаю годовщины «освобождения» той или иной местности, упоминание немецких солдат в качестве борцов с «безбожным иудо-большевизмом», призывы с амвонов церквей относительно необходимости ехать на работу в Германию или, как это было в Старобельске в январе 1943 г., молитвы за то, чтобы большевикам не удалось приблизиться к городу [13], не могли не влиять соответствующим образом на настроения местного населения,

собиравшегося на праздничные торжественные службы в церкви. В то же время следует заметить, что такая позиция ряда священнослужителей, учитывая довоенную историю отношений государства и церкви, была объяснимой и, главное, вне зависимости от реального отношения церкви к оккупантам, одной из необходимых предпосылок обретения легитимности со стороны власти на оккупированной территории.

В некоторых случаях представители властных структур, местной интеллигенции по собственной инициативе солидаризировались с теми или иными событиями, которые вошли в официальный праздничный календарь нацистской Германии. Это, в частности, касалось даты 20 апреля – дня рождения Гитлера [14]. Довольно трудно с позиций сегодняшнего дня определить факторы, которыми руководствовались выразившие приветствие по поводу этой даты люди. Шла ли речь здесь об искреннем стремлении некоторых представителей общественности, находившихся в плену иллюзий, увидеть в лице Гитлера строителя «новой Европы», в которой найдется место и украинцам? Являлись ли выражения благодарности Фюреру и вермахту одним из необходимых условий легитимизации, залогом более или менее лояльного отношения к себе со стороны властей? Были ли здравицы Гитлеру инспирированы органами пропаганды? Очевидно, все эти предположения имеют право на существование. Однако бесспорно одно: и сами эти поздравления со стороны представителей местной общественности, и реакция на них со стороны немецких структур способствовали идеологической индоктринации местного населения, включению его в систему ценностно-мировоззренческих и политических координат Третьего рейха.

Одним из элементов празднования дат, носивших политический характер, стало украшение учреждений и жилых помещений портретами Гитлера и иной нацистской пропагандистской символикой. Не отрицая того, что для некоторой части населения такого рода публичные действия могли быть отражением их политической позиции, все же для большинства населения, очевидно, демонстрируемая лояльность была проявлением своеобразной стратегии выживания, которая могла хоть в какой-то мере послужить элементом защиты от насилия и злоупотреблений со стороны оккупанта. Показательными в этом плане являются воспоминания жителя Макеевки Е.М. Фурсова. Он стал свидетелем того, как квартировавший у них немецкий военнослужащий продемонстрировал антивоенные настроения, разорвав портрет Гитлера, который накануне им принес квартирный. Понимая, что это могла быть провокация со стороны солдата, семья не без труда получила другой портрет Гитлера, который повесила вместо разорванного [15].

Событием, которое должно было положительно повлиять на настроения населения и, следовательно, получить статус значимой даты, стало постановление о «новом земельном порядке» от 15 февраля 1942 г. за подписью рейхсминистра оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга. Информационно-пропагандистские акции, направленные на местное население, в соответствии с подготовленным Министерством пропаганды Третьего Рейха письмом «Пропагандистская акция относительно аграрной реформы в Советском Союзе» и разработанными отделом пропаганды вермахта «Указаниями по проведению пропагандистской акции относительно нового аграрного порядка», должны были осуществляться в торжественной праздничной обстановке [16].

Процедура выдачи актов на пользование земель, передачи приусадебной земли крестьянам, считавшаяся одним из шагов на пути реализации «нового земельного порядка» на оккупированной территории, проходила довольно часто в присутствии представителей немецкого командования. Апеллируя к традициям украинского земледелия, акцент делали на необходимости предоставления этим торжествам подчеркнута украинского характера, желательности «... пребывания в украинских костюмах» [17].

Торжественный характер, по крайней мере в первой половине 1942 г., власти пытались придать вербовочной кампании, направленной на привлечение трудоспособного гражданского населения на работу в Германию. Особенно наглядно это проявлялось при отправке эшелонов с завербованными на работу в Германию. Создаваемая путем трансляции музыки на вокзалах, распространения различного рода пропагандистских материалов, украшения поездов и т.д. атмосфера праздника при отправлении в Рейх способствовала созданию позитивного настроения у населения [18]. Влияние пропаганды, направленной на привлечение рабочей силы, значительно усиливалось, если пропагандистская акция подкреплялась практическими мерами. Так, во время торжественного отправления 350-тысячного украинского работника в Германию, которое проводилось в Нежине, его семье была подарена корова. Эта мера, по оценке отдела пропаганды У, произвела на население чрезвычайно благоприятное воздействие и «развела у отъезжающих чувство заботы о семьях, которые оставались, в большей степени, нежели это могли сделать многочисленные обещания» [19].

Необходимость повышения эффективности собственной пропаганды и одновременно потребность в осуществлении контрпропагандистских мер, которая стала особенно заметной в 1943 г. по мере успехов Красной Армии и приближения линии фронта, нашла свое выражение в организации пропагандистских собраний. Со стороны органов власти им зачастую пытались придать характер импровизированных праздников. Так, весной 1943 г. в зоне своей ответственности фельдкомендатура 200 дала распоряжение руководителям сельских общин еженедельно по средам и субботам в 17.00

организовывать обязательные для всех работающих народные собрания. Во время их проведения, кроме чтения избранных газетных статей, предусматривались пение и танцы. Правда, у вышестоящего руководства успех такого рода акций из-за сокращения рабочего времени и проблематичности достаточного и вызывающего доверие цензурного надзора вызывал определенные сомнения [20].

Пытаясь расширить свою социальную базу, представители оккупационных властных структур не без успеха использовали религиозную карту. Избегая откровенного вмешательства в церковные дела и предоставляя церкви право самой определять перечень церковных праздников, тем не менее органы военной администрации отмечали, что «... учитывая положение с работой в период войны выходные дни могут быть разрешены только в самые большие праздники – Рождество, Троицу и Пасху» [21]. В соответствии с изданными распоряжениями церковные праздники необходимо было отмечать по григорианскому календарю. Самые большие планы властей были связаны с Пасхой 1942 и 1943 годов. Праздник должен был четко показать населению, что он является не только праздником возрождения Христа, но и символом возрождения народа в освобожденных от большевизма областях [22]. Используя связанную с этим событием риторику «возрождения», начала «новой жизни» оккупационными властями предполагалось осуществить целый ряд мероприятий, значение которых выходило далеко за рамки религиозной сферы. В распространенном в тыловом районе 1-й танковой армии специальном приказе предусматривались, в частности, такие меры, как выдача особой денежной и продовольственной помощи, ускорение работы по открытию новых школ, передача земли в аренду в городах, прирезка в пасхальные дни во время торжественных церемоний с участием немецких военнослужащих приусадебных участков в сельской местности, предоставление дополнительных выходных дней, особый, более либеральный режим пребывания во время праздников на улице [23]. В рамках празднования этого дня предполагалась демонстрация киносеансов и показ предназначенных специально для гражданского населения выступлений театральных коллективов [24], оплата труда по особым, повышенным тарифам [25].

Значительная аудитория, которая собиралась во время пасхальных богослужений, в ряде случаев использовалась для пропагандистских акций. Так, во время молебнов провозглашались здравицы в адрес немецкого Рейха и лично Гитлера, население, как это было в Ворошиловске Ворошиловградской области (ныне – Алчевск Луганской области), информировалось о содержании так называемой «Смоленской декларации» генерала А. Власова и призывалось к сотрудничеству с Германией [26].

В то же время, учитывая, что скопление большого количества людей во время празднования Пасхи (причем речь шла не только о сугубо церковных, но и о светских мероприятиях) может быть использовано и в целях, нежелательных для оккупантов, была отмечена необходимость привлечения для наблюдения за ходом празднования переводчиков и тайных осведомителей.

Определенные меры по случаю празднования Пасхи 1943 года были предусмотрены даже для советских военнопленных. Так, согласно приказу командующего 40-м танковым корпусом предполагалось предоставить военнопленным, чьи родственники находились на оккупированной территории, возможность написать и отправить домой письма (которые, однако, должны были пройти цензуру в оперативных отделах штабов частей корпуса). В рамках Пасхи было проведено богослужение для военнопленных лагеря, расположенного в Близнецах Харьковской области [27].

Очевидно, что все эти шаги следует рассматривать в контексте действий по созданию нового, более позитивного имиджа оккупационной администрации. Это становилось особенно актуальным по мере нарастания политического кризиса оккупационного режима с конца 1942 – начала 1943 года. Среди прочего предусматривалось и поощрение тех религиозных мероприятий, которые могли бы вызвать со стороны населения одобрительный отклик и поддержку.

Интересно, что даже сейчас для части населения, пережившего оккупацию, память о праздновании Пасхи остается одним из самых незабываемых и, как ни парадоксально, положительных впечатлений со времен оккупации: «... Как бы ни было, а Пасху мы встречали. Хоть не было ничего, но Пасху мы праздновали...» [28], «...Ходили мы в церковь, и на Пасху, и в разные церковные праздники. Церковь была, как правило, всегда забита людьми...» [29], «...И вот эта Феклуша, глубоко верующий человек, на Пасху – 42-й год, весной, пошла в церковь. ... И у меня с детства – до этого же церквей не было, я же не видела этого никогда. Вот у меня осталось, что люди шли и несли вот так зажженные свечи. Много людей ходило в церковь...» [30].

Именно празднование Пасхи, наряду с майскими праздниками и возобновлением работы учебных заведений, расценивалось в отчетах органов немецкой военной администрации в качестве ключевого фактора, положительно влияющего на настроения населения и способствующего формированию доброжелательного отношения к вермахту [31]. Правда, как отмечалось, определенным препятствием для более масштабного проведения праздников был хронический недостаток подходящих помещений [32].

Учитывая то, что одной из функций праздников является социокультурная интеграция членов общества, реализовать национально-интегративный потенциал праздников на оккупированной территории, в более широком контексте украинизационных мероприятий, пытались и украинские

националисты. Весомую роль в этом играли ячейки запрещенной в Советской Украине национально-культурной организации «Просвита», которая возобновила свою деятельность уже на оккупированной территории. Имея в качестве ключевой цели сплочение населения на национальной основе, пробуждение у него национального самосознания, активисты «Просвиты» на местах, представители национально сознательной интеллигенции пытались достичь этого и за счет организации праздников, отмечания памятных дат, чествования выдающихся деятелей украинской истории. Безусловно, масштабность праздничных или коммеморационных мероприятий в разных местах зависела от степени организованности там украинской общечественности, способности памяти об этой дате, событии или личности выступить в качестве интегрирующего начала.

Достаточно широко в марте 1942 и 1943 гг. отмечались Шевченковские дни, по случаю которых в ряде городов были организованы концерты. Особенно активно украинская общественность действовала в Харькове, пытаясь использовать любые легальные возможности для популяризации украинской истории и культуры, особо значимых дат украинской истории. В то же время цикл торжеств, проведенных в мае 1942 г. по случаю смерти Симона Петлюры, привел к напряжению в отношениях с оккупационными властями. Немцами было заявлено, что личность Петлюры им не импонирует, поскольку он «... участвовал в изгнании в 1918 г. кайзеровских войск из Украины» [33].

Период оккупации стал временем, когда произошли изменения, связанные и с ритуальными практиками. Либерализация деятельности церковей сделала возможной совершение обрядов крещения, венчания и погребения. При этом крещение приобрело поистине массовый характер, что объяснялось невозможностью для населения практической реализации права на свободу совести в предвоенные годы.

В то же время массовое уничтожение еврейского населения, советских военнопленных, представителей партийно-хозяйственного актива, заложников из числа гражданского населения и не прикрытые в ряде случаев следы этих преступлений, публичные казни обвиняемых в антинемецкой деятельности с запретом захоронения казненных, высокая смертность от голода, болезней, боевых действий, возможность визуального наблюдения этого оказывали глубокое влияние на население. Смерть для человека в период оккупации становилась чем-то привычным, рутинным, с чем можно было встретиться в любой момент, и в то же время чрезвычайно ужасным и неестественным в силу отсутствия возможности отдать последний долг умершим, захоронив их.

Вместе с тем властью была предпринята попытка создать не только свой собственный цикл праздников, но и пантеон героев, который должен вытеснить, заменить советский, став дополнительным фактором легитимизации власти. Ключевую роль в нем играл солдат вермахта – «освободитель» от большевизма. Особое сакральное значение придавалось погибшим немецким солдатам, могилы которых должны были стать объектом особого внимания со стороны местных властей и относительно внешнего вида, в отделке которых устанавливался определенный канон. Вот как, например, должны были выглядеть могилы немецких солдат в соответствии с предписаниями, действовавшими на оккупированной территории в зоне военной администрации: «...Все могилы германских воинов должны быть приведены в порядок, хорошо и просто украшены. Могилы должны быть обложены деревом или камнем. Могильный холмик необходимо украсить зеленью. Могилы, которые находятся в поле, надо огородить, чтобы сохранить их от повреждений, которые может сделать скот. Ограждение должно быть преимущественно из березы и находиться на расстоянии примерно одного метра от могилы. Высота ограждения должна быть примерно 60–80 сантиметров...». Мотив сакрализации могил воинов вермахта органично дополнялся информацией о карательных санкциях, которые должны были сопровождать любое повреждение могил [34].

Результаты и выводы. Введя систему официальных праздников и торжеств на оккупированной территории Украины, власти предприняли попытку расширить арсенал средств и методов пропагандистского воздействия на сознание населения. Отсутствие исторических корней этих праздников на фоне резкого падения жизненного уровня населения, особенно в городах, обусловили скептическое отношение к официозу, сопровождавшему их. Стремление общественно и политически активной украинской интеллигенции предложить свой вариант интерпретации памятных и торжественных событий прошлого лишь частично было поддержано малознакомой с ними общественностью, озабоченной иными проблемами. Более привлекательным для населения был сугубо утилитарный элемент праздников, который заключался в сокращении продолжительности рабочего дня, возможности получения продовольственного набора или бесплатного просмотра кинофильмов. В то же время торжественные мероприятия, особенно по поводу больших церковных праздников, которые сопровождались отдыхом от работы, изменениями в скудном рационе населения, выполняли важную функцию релаксации, давая простому человеку возможность оторваться от суровой реальности, постоянной борьбы за существование, которая была имманентной чертой его жизни под оккупацией.

Примечания:

1. Коваль М.В. «Просвіта» в умовах «нового порядку» (1941-1944 рр.) / М.В. Коваль // Український історичний журнал. 1995. № 2. С. 37-42; Berkhoff, Karel C. *Harvest of despair: life and death in Ukraine under Nazi rule*/ Karel C. Berkhoff. Cambridge: The Belknap press of Harvard University Press, 2004. P. 192-193, 235-257; Скоробогатов А.В. Харків у часи німецької окупації (1941-1943) / А.В. Скоробогатов. Харків: Прапор, 2004. С. 195-196; Армстронг Джон. Украинский национализм. Факты и исследования / пер. англ. П.В. Бехтина / Джон Армстронг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 293-295, 304-306; Титаренко Д.М. Політика нацистської окупаційної влади щодо церкви у зоні військової адміністрації / Д.М. Титаренко // Історичні і політологічні дослідження. 2009. № 1 (41). С.134 -135; Грідіна І.М. Духовне життя населення України в роки Другої світової війни (1939-1945) / І.М. Грідіна. Донецьк: ДонНУ, 2010. С. 269.
2. Лаврикова И.Н. Краткий экскурс в теорию праздника / И.Н. Лаврикова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 74.
3. Ковпак С.А. Від Путивля до Карпат / С. А. Ковпак. Київ : Політвидав України, 1979. С. 68; Партизанская война на Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений. 1941–1944 / Колл. составителей: О.В. Бажан, С.И.Власенко, А.В. Кентий, Л.В. Легасова, В.С. Лозицкий (рук.). М. : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. С. 145.
4. Інтерв'ю с Саенко-Полончук М.И., 1925 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, январь 2005 г.) // Личный архив автора.
5. Молодая гвардия. Документы и воспоминания о героической борьбе подпольщиков Краснодона в дни временной фашистской оккупации (июль 1942 – февр. 1943 гг.). Донецк : Донбасс», 1977. С. 61.
6. Buhbender Ortwin. *Das tötende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im zweiten Weltkrieg* / Buhbender Ortwin. Seewald Verlag Stuttgart, 1978. S. 278.
7. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg (далее - ВА-МА), RH 22 /28. Bl.277.
8. ВА-МА. RH 22/28. Bl. 277.
9. ВА-МА. RH 22/28. Bl. 277.
10. Buhbender Ortwin. *Das tötende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im zweiten Weltkrieg* / Buhbender Ortwin. Seewald Verlag Stuttgart, 1978. S. 278.
11. ВА-МА. RH 22/195. Bl. 97-100.
12. Государственный архив Черниговской области (далее – ГАЧО). Ф Р-4364. Оп. 1. Д. 28. Л. 43.
13. ВА-МА. RH 22/206. Bl. 62.
14. ГАЧО. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 43. Л. 1, 2.
15. Інтерв'ю с Фурсовым Е.М., 1932 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, февраль 2005 г.) // Личный архив автора.
16. ВА-МА. RW 4 /254. Bl.396-398, 416.
17. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
18. ВА-МА. RH 22 /33. Bl.91.
19. ВА-МА. RH 22 /42. Bl.140.
20. ВА-МА. RH 23/353. Bl.47.
21. ВА-МА. RH 22 /205. Bl.63.
22. Buhbender Ortwin. *Op.cit.* S. 278.
23. ВА-МА. RH 21-1/161. (Betr.:Wir feiern Ostern!, 13.4.43).
24. Голос Донбасса. 1943. 25 апр.
25. ГАДО. Ф. Р-1772. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.
26. ВА-МА. RH 23 /353. Bl.90.
27. ВА-МА. RH 24-40/120 (Betr.: Abschlussbericht über das Osterfest 1943 im Bereich des XXXX Panzerkorps).
28. Інтерв'ю с И. Тамарой Ивановной, 1931 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, январь 2011 г.) // Личный архив автора.
29. Інтерв'ю с Рогозом Б.В., 1933 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, февраль 2005 г.) // Личный архив автора.
30. Інтерв'ю с Чепик-Митрофановой З.А., 1929 г.р. (Транскрибованная аудиозапись. г. Донецк, февраль 2005 г.) // Личный архив автора.
31. ВА-МА. RH 23 /353. Bl.45-46.
32. ВА-МА. RH 24-40/120 (Betr.: Abschlussbericht über das Osterfest 1943 im Bereich des XXXX Panzerkorps).
33. Коваль М.В. Указ.соч. С. 39.
34. ГАЧО. Ф. Р-3001. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

**Праздники, торжества и памятные даты в жизни населения Украины в период
нацистской оккупации (зона военной администрации)**

Дмитрий Николаевич Титаренко

Донецкий юридический институт, Украина
кандидат исторических наук, доцент
83054, г. Донецк, ул. Засядько, 13
E-mail: titarenko_tit@ukr.net

Аннотация. Статья посвящена роли праздников и памятных дат в жизни населения Украины (зона военной администрации) в период нацистской оккупации. Исследование базируется на источниках из немецких и украинских архивов, материалах устной истории. В работе рассматривается место праздников и памятных дат в официальном дискурсе власти, готовность населения к их восприятию. Анализируются возможности реализации альтернативных, инициированных общественностью, моделей праздников, ритуалов и коммеморативных практик. Акцент делается на месте праздников и памятных дат в качестве средства пропагандистского и идеологического влияния на население. Особое место уделено месту церковных праздников, и в частности Пасхи. Сделан вывод о том, что праздники и торжественные мероприятия, которые сопровождалось дополнительными выходными, изменениями в рационе питания, развлекательными мероприятиями, давали населению возможность оторваться от тяжелых реалий жизни под оккупацией, выполняли важную функцию релаксации.

Ключевые слова: нацистская оккупация; военная администрация; Восточная Украина; гражданское население; официальные праздники; церковь; пропаганда; лояльность; идеологическое влияние; легитимизация.